Елена Головнева, Ирина Шмидт

Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири)

Elena Golovneva, Irina Shmidt

Religious Conversion, Utopia, and the Saced Site: Okunevo Village in Western Siberia

Elena Golovneva — Cultural Studies and Design Department, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). golovneva.elena@gmail.com

Irina Shmidt — Theology and World Cultures Department, Omsk State University named after F.M. Dostoevskiy (Russia). rebew@rambler.ru

This paper reflects on the experience of theorizing a sacred place emerged in the last two decades in Okunevo village in Western Siberia. Using discourse analysis and the ideas of social constructivism, authors specify some contemporary narratives related to Okunevo village. They view this "holy site" as a social product and the interplay of mythological narrative, archeological interpretation and a result of tourist practices. The production of mythos and "invented traditions" are vital ways in which non-traditional religious communities in Okunevo remember, retell and rearticulate crucial aspects of their religious identity. Specified discourses, being considered as social logics of development of sacred site and forms of its representation, allow us to analyze this sacred space from the historical perspective.

Keywords: new sacred space, non-traditional religions, mythology, archeological heritage, Okunevo, Omsk region.

Головнева Е., Шмидт И. Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 291-321.

Golovneva, Elena and Shmidt, Irina (2015) "Religious Conversion, Utopia, and the Saced Site: Okunevo Village in Western Siberia", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 33(3): 291-321.

Введение

РАЗВОРАЧИВАЮЩИЙСЯ на наших глазах процесс религиозного возрождения ведет к появлению «святых мест», сакральных пространств, изобретению новых традиций. Такие пространства оказываются антропологически важными местами, с особой атмосферой и аурой, значимость которых невозможно до конца превратить в товар или сделать инструментом власти. Они являются результатом совместного действия различных актантов: людей, правил поведения, артефактов[1]. Можно сказать, что сакральное пространство является неким качеством, которое активно конструируется различными акторами (учеными, любителями, чиновниками, эзотериками, средствами массовой информации) в современной постмодернистской культуре [2].

Предметом данного исследования является подобное «сакральное пространство», уникальный локальный центр религиозной активности со своим стилем поведения и мироощущением, сформировавшийся в последние двадцать лет в деревне Окунево Муромцевского района Омской области.

Популярность этого места уже давно переросла региональные рамки, а способы современной нарративизации[3] «окуневского феномена» отличаются разнообразием: эта деревня характеризуется и как «место силы», и как «Пуп Земли», и как «Ковчег», и как место оздоровительных лагерей, и как «край Пяти Озер», а также как туристический пункт, с неиссякаемым потоком желающих его посетить. По словам Дорин Мзсси, здесь мы имеем дело с «множественностью историй, которая носит пространственный харак-

1. Chidester, D. & Linenthal, E. T. (1995) *American Sacred Space*. Bloomington: Indiana University Press; Karrholm M. A. (2007) "Conceptual Discussion of Territoriality, Materiality and the Everyday Life of Public Space", *Space and Culture* 10(4): 439-440; Kong, L. (2006) "Religion and Spaces of Technology: Constructing and Contesting Nation, Transnation, and Place", *Environment and Planning A* 38: 903–918; Sheldrake, P. (2007) "Placing the Sacred: Transcendence and the City", *Literature & Theology* 21(3): 243-258.
2. Tong, K. & Kong, L. (2000) "Religion and Modernity: Ritual Transformations and the Reconstruction of Space and Time", *Social and Cultural Geography* 1(1): 29–45.
3. Low, S. M. and Lawrence-Zúñiga, D. (2003) "Locating Culture", in Low, S. M. and Lawrence-Zúñiga, D. (eds) *The Anthropology of Space and Place. Locating Culture*, pp. 16-17. Blackwell Publishing.

тер»[4], что делает эту западносибирскую деревню весьма привлекательным объектом научного анализа.

К настоящему времени сложно говорить о том, что этот новый сакральный комплекс в Западной Сибири получил целостную характеристику со стороны исследователей. Имеющаяся литература по «окуневскому феномену» может быть разделена на три части: работы, написанные археологами и исследующие данное место как археологический объект[5], немногочисленные пока работы антропологов[6] и произведения паранаучного характера[7].

Анализ научной литературы показывает, что к наиболее актуальным и не получившим пока освещение вопросам относится проблема эволюции окуневского сакрального универсума, а также наличие здесь различных дискурсов и практик, по-разному описывающих и репрезентирующих это новое «место силы». Данное обстоятельство определило основной замысел и содержание данной статьи.

В качестве материалов для анализа нами будут использованы данные, полученные в ходе поездок в д. Окунево Муромцевского района Омской области (2006, 2013): несколько неструктурированных интервью, материалы включенного наблюдения и фотофиксации. Нашими информантами выступили в основном молодые и средних лет люди, которые являются жителями и гостями д. Окунево (в личном архиве они значатся у нас под именами Павел, Дмитрий, Сергей, Стас). В качестве материалов для статьи используются также данные анализа интернет-форумов, посвященных д. Окунево.

4. Massey, D. (2000) 'Travelling Thoughts", in Gilroy, P., Grossberg, L. and McRobbie, A. (eds) *Without Guarantees: In Honour of Stuart Hall,* p. 231. London: Verso.

5. *Матющенко В.И.* Еще раз о характере памятника Ом V и Ом VII на Татарском увале // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Материалы научной конференции (Омск, 2–3 декабря 1997 г.). Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. С. 85–87; *Матющенко В.И.* Могильник на Татарском увале у д.Окунево (Ом VII). Раскопки 1998, 1999 годов. Омск: ОмГУ, 2003. Вып 3. Новое в археологии Прииртышья; *Матющенко В.И., Полеводов А.В.* Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1994.

6. *Селезнев А.Г.* Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // Этнографическое обозрение. 2014. №5. С. 41–59; *Селезнева И.А.* Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 59–73.

7. *Речкин М.* Сибирский ковчег. Тайна спасения человечества. М.: ФАИР, 2011.

Теоретической основой исследования послужила теория дискурсивного анализа (М. Фуко) и идеи социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман)[8]. Дискурсы, с одной стороны, выступают фактором развития сакральных пространств, с другой — они являются формами их репрезентации. Взаимосвязь дискурсов образует сложное смысловое содержание того или иного места[9]. На основе этих теоретических идей мы выделяем некоторые современные нарративы, связанные с д. Окунево. Это «место силы» рассматривается нами как социальный продукт и взаимодействие мифологии, археологической интерпретации места, религиозных и туристических практик.

Окунево: «изобретение традиции»

Деревня Окунево расположена в Муромцевском районе Омской области, в 250 км к северу от г. Омска. Основанное в 1770 году (прежнее наименование — Резино) и получившее свое название в честь фамилии первопоселенца, Окунево представляет собой труднодоступное таежное село, большую часть населения которого составляют русские. Деревня состоит примерно из пяти улиц, переходящих друг в друга, где расположены дома деревенской постройки разных десятилетий прошлого века.

Приток представителей неориенталистских движений и многочисленных паломников в конце 1990-х — начале 2000-х гг. существенно изменил внешний вид самой деревни. В Окунево появились новые дома, имеющие яркие красочные надписи на санскрите и рисунки розовых слонов, открылся Центр естественного развития человека (консультации астропсихолога, йога, массаж, семинары и тренинги), распространение получила специальная религиозная литература.

8. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.

9. Eade, J. and Sallnow, M. J. (eds) (1991) *Contesting the Sacred: The Anthropology of Christian Pilgrimage*. New York: Routledge; Dora, V. (2011) "Engaging Sacred Space: Experiments in the Field", *Journal of Geography in Higher Education* 35(2): 163-184.

Ворота дома на «бабаджистской» улице в д. Окунево

В настоящее время в деревне Окунево, население которой составляет 700–750 человек, соседствуют рядом избы христиан и мусульман, кришнаитов, бабаджистов и неоязычников — сторонников «ведического православия» (неформальный лидер — Станислав Репин). В Окунево массово отмечают четыре события — Солнцестояние, праздник Перуна, десятидневный индуистский Наваратри и торжества, организованные лидером «Древнерусской церкви православных староверов-инглингов» омичом Алескандром Хиневичем. Традиционно в этих праздниках принимают участие тысячи людей: парапсихологи, эзотерики, проповедники, последователи индуизма и неоязычества и просто «интересующиеся». По оценке главы администрации Бергамакского сельского поселения, за летний сезон Окунево посещают около 40 тыс. человек[10].

В полутора километрах к северо-западу от д. Окунево, на возвышенной террасе высокого берега р. Тары, Татарском увале,

10. *Селезнева И.А.* Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 60.

находится обрядовое место (Омкар), так называемые «тайные ворота в параллельные миры». На пространстве площадью всего лишь в несколько десятков метров в настоящее время сосуществуют рядом православная часовня Михаила Архангела, имеющая восьмиугольную форму, алтарь индуистов, языческая свастика и роща. Утром на Омкаре молятся староверы, потом — православные, затем полдня поют кришнаиты. Данное место представители различных религий считают святым, называют местом хранения «окуневского кристалла», связывают с Асгардом Великим, сравнивают с Аркаимом (Южный Урал) и, объясняя сакральный характер этого места, часто апеллируют к данным, полученным в ходе археологических исследований.

Омкар в д. Окунево, место проведения обрядов различных религиозных групп

Дмитрий (И): Археологи проводили раскопки, нашли очень интересные артефакты, но исследования волевым образом прикрыты, и там что-то копают только черные копатели... Версия — тут находился древний город древних людей, которые в результате или потопа, или наводнения, или опущения суши ушли в Индию. Этим

> объясняется интерес индусов, они пытались получить информацию о раскопках, но им не дали... поэтому они только медитируют... Этот район — это земля Тартария (а речка Тара), веды описывают этот район и народ как самый древний...

Эти данные позволяют включить территорию Окунево в современный процесс «изобретения традиций» и рождения «новой мифологии» и требуют обращения к интерпретации этого места археологами, исследования его исторического контекста, а также выяснения вопроса о том, в какой степени данные археологии послужили ресурсом для конструирования этого сакрального комплекса.

«Сакральный комплекс»: археология д. Окунево

В 1996–1999 гг. авторы данной статьи, будучи студентами Омского государственного университета (ОмГУ), участвовали в археологических и этнографических экспедициях на территории Муромцевского района Омской области. В то время данная деревня была интересна специалистам в первую очередь как населенный пункт, расположенный в зоне археологического микрорайона.

Раскопками в этом районе во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. руководил профессор ОмГУ, доктор исторических наук Владимир Иванович Матющенко. Под его руководством изучался комплекс археологических памятников, расположенный на левом берегу р. Тара, в окрестностях д. Окунево. Здесь были получены материалы различных эпох — от неолита до позднего средневековья[11], обнаружены грунтовые и курганные могильники, поселения (стоянки, селища, городища), несколько жертвенных мест[12].

Особое внимание и археологов, и любопытствующих было привлечено к композитному археологическому комплексу, расположенному на Татарском увале. Примечательно, что здесь не об-

11. *Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Иващенко С.Н., Корусенко М.А.* Результаты работ в Окуневском археологическом микрорайоне в 2006–2008 гг. // VII чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сборник научных трудов / Отв. ред. С.Ф.Татауров, И.В.Толпеко. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 178.

12. *Матющенко В.И., Толпеко И.В.* Исследования в Окуневском археологическом микрорайоне // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1995. С. 48–49.

наружено поселенческих комплексов; они расположены поодаль, «сопровождают» этот грандиозный некрополь, не нарушая его границ[13]. Следы упомянутого «сопровождения» интенсивны и разнообразны — обилие фрагментов керамики в межмогильном пространстве, орудия, места разжигания небольших костров, «особые» зоны — ямы непонятного назначения и ровики, вероятно, разграничивающие пространства живых и мертвых, следы от каких-то наземных, очевидно деревянных, конструкций. Все упомянутое в настоящий момент воспринимается полуутраченными следами ритуальных действий, проводившихся в этом месте[14].

Археологи интерпретируют Татарский увал, прежде всего, как исторически сложившееся *место, удобное для осуществления культовой деятельности.* Очевидно, с течением времени и сменой «хозяев» территории, на которой расположен некрополь, его зона постепенно расширялась и осваивалась с севера на юг, но принципиально не смещалась. Татарский увал — самое живописное урочище в округе. Это конечная точка береговой террасы в месте соединения пойм рек Тары и Иртыша, где открывается широкий вид на все стороны света (за исключением южного направления)[15]. Потенциал этого места был отмечен, по-видимому, уже в неолите, поэтому на северной оконечности мыса расположен уникальный погребальный комплекс.

Среди находок, сделанных в межмогильном пространстве, преобладают фрагменты керамики, каменные изделия, есть обломки литейных форм, тигл, грузила, бронзовые изделия и некоторые другие материальные остатки. Они концентрируются вокруг могил[16]. Эти находки нельзя интерпретировать следами регулярной «поселенческой» бронзолитейной активности, ввиду их малочисленности[17]. По-видимому, речь идет об изготовлении предметов для мертвых в пределах их же пространства.

Как правило, открытия археологов редко выходят за пределы научного археологического дискурса и не получают обществен-

13. *Матющенко В.И., Полеводов А.В.* Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1994. С. 9.

14. Там же. С. 9, 58, 109.

15. *Матющенко В.И., Полеводов А.В.* Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. С. 57.

16. *Матющенко В.И.* Еще раз о характере памятника Ом V и Ом VII на Татарском увале. С. 86.

17. Там же. С. 89.

ного резонанса, если активно не поддерживается их мифологическая интерпретация. В данном случае археологическое наследие д. Окунево осмысляется в массовом сознании, и к нему апеллируют присутствующие в данном месте представители новых религиозных течений.

Значительную роль в этом процессе сыграл, на наш взгляд, сам руководитель раскопок В. Матющенко, который был не просто увлеченным ученым, но и просветителем. Он считал важной задачей ученого и просто образованного человека «заражать» окружающих, в особенности интересующихся, «историей и значимостью места». Культурно-исторический ликбез, как рядом с раскопами, так и в лагере археологов, проходил регулярно и безотносительно статуса/природы слушателя: им мог быть и мальчишка из деревни, и паломник, и турист. Разница подготовки и восприятия среди слушателей заставляла лектора несколько упрощать природу излагаемого. Но это не говорит о том, что профессор, в угоду слушателям, ее вульгаризировал. Он никогда не рассказывал мифов и не поддерживал мифологического настроя в своем слушателе. Однако, если подходить к рассмотрению значимости пространства через призму сакральности и мифа и слышать при этом текст, выстроенный с использованием таких фраз, как «уникальное место», «сакральный комплекс», «обилие погребений различных эпох», «ритуальные практики» и т.п. (что научно организованное сознание, как правило, пропускает через особые фильтры), то происходит усиление изначальных аксиологических коннотаций собственных представлений.

В настоящее время жители и гости Окунево обосновывают сакральность данного места именно тем, что на Омкаре (Татарский увал) были найдены ритуальные принадлежности «со всех цивилизаций Земли», и потому все конфессии стремятся проводить ритуалы именно здесь, в месте, «где есть особая энергетика и ощущение духовного роста».

> Я там, как всякий свободный человек, открыла канал Энергий Ганеши, Шивы и Парвати… Было это легко под пение мантр… Интересно, что все, кто пришел туда, и туристы любопытные, и православные, и женщины, что молились у знака коловорота, легко перемещались по всему этому пространству, заходили в часовню, осеняли себя крестным знамением…[18]

18. Отчет о путешествии в Окунево // http://www.reyki-tselitel.org/t729-topic [доступ от 30.04.2015].

Привязка сакрального места к определенному археологическому памятнику — довольно частое явление в процессе «изобретения традиций» (скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе, Аркаим на Южном Урале). Типовой механизм формирования таких центров основан на идее реактуализации, пробуждения, активации сакрального потенциала археологических объектов, наделяемых сверхъестественными функциями[19]. По-видимому, в случае с Окунево мы имеем дело с обширной «антропологией археологии»[20], то есть с мифологической интерпретацией данных археологии жителями и гостями Окунево. Данный сакральный комплекс интересен, прежде всего, как пример народного, а не институализированного «локусного культа»[21].

Предания и легенды, топонимика, исторические повествования и символика на уровне обыденного сознания, по словам Д. Смита и С. Берча, не обязательно должны быть официально представлены и закреплены; часто они являются «невидимыми» для внешнего наблюдателя[22], формируются стихийно. Согласно данным, собранным омским исследователем А.В. Селезневым, в настоящее время в урочище Юрт-Бергамак, в 45 км от Окунево, происходит спонтанное зарождение нового сакрального комплекса, «древнеславянского капища», которое местные неоязычники (община «Культурное наследие и творчество») рассматривают как место захоронения «жриц» с удлиненными черепами и именуют родиной Риши, или родиной Белых мудрецов[23]. Таким образом, речь идет о формировании еще одной разновидности иеротопии, универсального архетипа, так или иначе проявляющегося на протяже-

19. *Селезнев А.Г.* Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево. С. 43.

20. Там же. С. 52.

21. Термин «локусный культ» предложен омским религиоведом В.Б. Яшиным. По его мнению, в отличие от понятия «локальный культ», характеризующего масштабы распространения той или иной конфессии, категория «локусные культы» подразумевает сакрализацию и наделение уникальными символическими характеристиками конкретной территории или природно-географического объекта. См.: *Яшин В.Б.* Иеротопические мотивы и локусные культуры в новых религиозных движениях // Омский научный вестник. 2012. №3 (109). С. 96.

22. Smyth, D. and Burch, S. (2012) “Enacting Identities in the EU-Russia Borderland: An Ethnography of Place and Public Monuments”, *East European Politics and Societies* 26(2): 400-424.

23. *Селезнев А.Г.* Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево. С. 50–51.

нии всей истории культуры, и, в этом смысле, на уровне феноменологии религии не являющимся чем-то принципиально новым.

Перекресток религий

Интерес авторов к д. Окунево, как месту присутствия неориенталистских религиозных течений, был инициирован еще в 2006 г. знакомством с омским предпринимателем Павлом (33 года), ведущим телепрограммы на местном канале. Оказалось, что Павел часто посещает Индию, придерживается индуистской веры, а в каждые выходные ездит в деревню Окунево для совершения религиозных обрядов и имеет там духовное имя Пуран. Стены его омской трехкомнатной квартиры были расписаны религиозными сюжетами, а одна комната с алтарем отведена исключительно для молитв. Исповедуя учение Бабаджи, Пуран даже помог с приездом в Окунево суфийскому шейху Фреди Боллагу, который купил квартиру в центре Омска, дом в Окунево и посещал там регулярно мусульманские ритуалы. Павел/Пуран стал главным героем документального фильма об Окунево «Перекресток» (реж. Иван Головнев, 2006) и явился своеобразным «проводником» в формирующееся на наших глазах «место силы». Свой путь к вере Павел объяснял следующим образом:

> В третий раз я приехал в Индию... У меня был вопрос... Почему у меня одинаковые ощущения... при прочтении христианской молитвы и шиваитской мантры? Я пришел в пещеру Бабаджи... И мне явился образ Бабаджи... Я мысленно задал ему свой вопрос... В ответ образ Бабаджи раздвоился... Здесь был Бабаджи, а здесь Иисус Христос... Затем они снова соединились в один образ... Бог един, истина одна... Жаль, что многие люди этого не понимают... И происходят межрелигиозные конфликты... Все мы частички одного Бога... Нечего делить: твой Бог — мой Бог... Разные религии — это только пути... И со временем они исчезнут...

Образ Павла оказался весьма примечательным еще и по той причине, что он олицетворяет собой типичных «гостей» Окунева, участвующих в современных обрядах «омских» бабаджистов, — молодых или средних лет людей с высоким уровнем образования, знакомых со специальной литературой и мобильных по натуре, ведущих блоги, занимающихся предпринимательством.

Появление бабаджистов в Муромцевском районе, где, по свидетельству местных жителей, до 1990-х гг. единственными достоприме-

чательностями были старинная церковь Покрова Пресвятой Богородицы и мечеть в соседней с Окунево татарской деревне Черталы, напрямую было связано с деятельностью Расмы Розитис. Расма — гражданка США латвийского происхождения (духовное имя — Раджани), которая в начале 1990-х гг. прибыла в деревню Окунево из индийской провинции Хайракхан по настоянию своего духовного учителя Мунираджа, преемника Бабаджи, который почитается как очередная махаватара (воплощение) самого бога Шивы. Учитель велел ей разыскать в Сибири место, где триста тысяч лет назад якобы существовала развитая цивилизация и где располагался Храм Ханумана. Согласно легенде, Хануману была дарована некая земля (предположительно Сибирь), где был построен древний ведический Храм. Поиски священного места привели Раджани в деревню Окунево Муромцевского района, в которой, проведя многодневные сеансы медитации, она получила «необходимые сверхъестественные подтверждения» правоты учителя. Результатом деятельности Р. Розитис в д. Окунево стало основание общины бабаджистов и индуистского храма — *ашрама*, единственного в России.

Религиозная церемония «окуневских бабаджистов» у индуистского алтаря (кадр из д/ф «Перекресток», 2006, реж. И. Головнев)

Из рассказа Расмы Розитис:

> Археологи подсказали мне, что в районе Окунева найдено место, на котором в древности проводились ритуалы. Я остановилась в палатке недалеко от деревни. Пять дней постилась и молилась. На пятую ночь наблюдала световые явления: свет плавал вокруг, ко мне приходили светящиеся существа, я видела подобия машин, сотканных из света, и слышала неземную музыку[24].

По словам Раджани, выбор пал на Омск потому, что название этого города созвучно священному слогу «Ом», обладающему, согласно индийским мистическим учениям, колоссальной божественной энергетикой, чистейшими вибрациями, пронизывающими Вселенную, названия реки и города Тары (Муромцевский район Омской области) соотносится с именем индийской богини.

Согласно учению Бабаджи, три основных понятия «Истина, Простота, Любовь» являются сутью всех религий. А целью миссии Бабаджи считается восстановление Санатана Дхармы — безначальной Священной Истины, лежащей в основе всех существующих религий, но искаженной вследствие деградации человечества[25]. Духовные практики различных видов (ведическое жертвоприношение, почитание духов, йога, восхождение к безличному Абсолюту) рассматриваются как возможные ступени духовного развития и познания Бога. Конечная цель этого пути — любовь к Богу и абсолютное бескорыстное служение ему. Вероятно, поэтому данное учение нашло своих приверженцев среди представителей различных вероисповеданий, которые поселились в непосредственной близости друг от друга.

Высказывания местных жителей и туристов о бабаджистах вполне лояльны:

> Дмитрий (И): Вообще нам многому стоит поучиться у кришнаитов, бабаджистов и др., хотя бы преступности у них нет и люди добрые. Те, с кем довелось познакомиться, — очень приятные и развитые люди. Они пели баджаны — духовные гимны, восхваляю-

24. Аномальные места России // http://www.tainoe.ru/anomalia/zoni/ano-zoni-Russia.htm#Окунево [доступ от 2.05.2015].

25. Откровение // http://www.saiorg.ru/?id=1068 [доступ от 30.03.2015].

> щие Шиву, Шакти и прочих достославных индийских богов. Причем пели не только на вечеринках и в ашраме на службе (‘арати), но и при других удобных случаях. Запомнилось: просыпаешься утром в маленьком типи на холме неподалеку от волшебного Шайтан-озера, а снаружи раздается пение. И человек не прикалывается, он, «восстав от сна, прежде всякого другого дела» восхваляет Бога. Это здорово. И еще красивая картинка в памяти: мы направляемся к озеру, всемером цепочкой спускаемся по тропинке с холма, солнце, травы по пояс, благоухание, я иду сзади и вижу всех — красивые, в этнических одеждах, а идущий впереди играет на флейте[26].

В Сибири, как считают бабаджисты, происходили события, описанные в древнеиндийской поэме «Рамаяна», и именно с этой территорией, по представлениям Бабаджи, связано возрождение храма и предстоящее спасение России в грядущей мировой катастрофе:

> нынешняя эпоха, ознаменованная вырождением морали и торжеством зла, подходит к концу. Мир ожидают социальные и природные катастрофы, которые радикально изменят облик Земли, — погибнут основные центры современной цивилизации, землетрясения, ураганы, потопы погубят целые страны и континенты. Уцелеть в этих катаклизмах смогут лишь те, кто перестроит свою жизнь по космическим законам Правды, Простоты и Любви[27].

В Окунево дискурс особой роли Сибири и эсхатологические идеи присутствуют весьма явно и в воззрениях Церкви православных староверов-инглингов (основатель — Александр Хиневич)[28]. Они характеризуют данную территорию как колыбель древнейшей суперцивилизации Арктиды, с которой начинается спасение всего человечества. Глобальный, или даже космический, аспект мифа оперирует здесь сотнями тысячелетий и событиями галак-

26. Как я съездила в Окунево // http://www.ark.ru/ins/zapoved/zapoved/okunevo.html [доступ от 03.05.2015].

27. Откровение // http://www.saiorg.ru/?id=1068 [доступ от 30.03.2015].

28. Церковь православных староверов-инглингов, известная с конца 1980-х гг. благодаря усилиям ее харизматического лидера Александра Хиневича, зарегистрирована была в 1992 г., хотя сами инглинги уверяют, что их религия существует с незапамятных времен, будучи исходным вероисповеданием белой расы и «святомудрых предков» русского народа.

тического масштаба. Бытует представление о том, что в районе Омска в древности существовал научно-духовный центр ариев, Асгард Великий, а на месте Окунево около ста тысяч лет тому назад находился дворец (*виману*) ариев в виде храма, на вершине которого был установлен кристалл, «предназначенный для голографии», через который арии «записывали свое сознание». В результате некоей космической катастрофы (потопа) храм был разрушен[29], а протоарии покинули это место, что привело к деградации культуры и религии. Смешение протоариев с ариями в Индии, как считают инглинги, привело к искажению первоначального учения, которое в чистом виде сохранили лишь сами инглинги.

Таким образом, в д. Окунево присутствуют разнородные политеистические религии, культы, верования, для которых характерны синкретизм и апокалипсизм. Ряд из них основан на значительном интересе к религиозным идеям и мифологии индо-иранского культурного комплекса. В целом идея этого пространства, на наш взгляд, может быть выражена метафорой «перекрестка» *(crossroads),* поскольку оно образуется на пересечении различных исторических эпох и религиозных практик.

Мифология места

Ситуация, возникшая в Окунево, — интересный пример современного процесса «изобретения традиций» и рождения «новой мифологии», поскольку в данном пространстве разрушается однородность места[30], оно способно «вбирать в себя и отражать множество религиозных дискурсов»[31].

Пространство и время здесь отличаются нелинейностью и ценностно-смысловой нагруженностью. Реальный и мифологический планы слиты в постоянных переключениях с одного на другой. Пространство здесь не только структурируется (обо-

29. *Селезнев А.Г.* Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 44.

30. Werblowsky, R. J. Zwi (1998) “Introduction: Mindscape and Landscape”, in Kedar, B. Z. and Werblowsky, R. J. Zwi (eds) *Sacred Space: Shrine, City, Land,* pp. 9–17. New York: New York University Press.

31. Eade, J. and Sallnow, M. J. (1991) “Introduction”, in *Contesting the Sacred. The Anthropology of Christian Pilgrimage*, p. 15. London: Routledge.

лочки, сферы, сакральные центры), но и произвольно сжимается и растягивается в зависимости от того, кто и как действует. По мифологическому сценарию «посвященным» открывается истина и способность общаться на «тонком плане»; непосвященные постепенно отстраняются и начинают рассматриваться как догматики, не способные преодолеть ограниченность повседневного мира.

> Божественная матрица жизни… С первых дней не покидало ощущение, что место особое… Не знаю почему… Может, солнце светит здесь по другому… или солнечные лучи, пронизывая воздух и достигая земли в этом месте, приобретают какие-то новые благодатные свойства… Может, вода в Таре благословенна… Может быть, земля особого рода… Каждый шаг по ней забирает какую-то «ветхую», негативную, неистинную силу, которой мы обычно пользуемся для выживания в том, другом мире… Мире искаженных мыслей, слов и поступков… Каждый шаг дает силу другого рода, — которая пронизывает клетки тела, даря им новое, первозданное, соответствующее Божественной матрице жизни, состояние… Уже через несколько дней для меня стало очевидным, что здесь меняется качество тканей человеческого тела… Каждый день кожа, волосы, мышечные связки и костные структуры — все это наливалось новой энергией, физически изменялось… Глубина сна тоже изменилась… По ночам сознание словно проваливалось на новые, глубинные уровни… Хлеб, привезенный из Москвы, во все время пребывания оставался первозданно свежим и мягким… Я все думал, как лучше в немногих словах сказать, что происходило здесь со мной… Не пришло ничего лучшего, чем уже сказал Лао-Цзы… «Человек при рождении своем нежен и слаб, а при наступлении смерти тверд и крепок. Все существа и растения при своем рождении нежны и слабы, а при гибели сухие и гнилые. Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое — это то, что начинает жить». Происходило именно «рождение» к неискаженной жизни… Жизни в соответствии с замыслом Творца о ней и по прообразу Первоначальной Божественной Матрицы Творения[32].

Отметим, что при общении с нашим информантом Павлом нас не покидало ощущение присутствия его в некоей своей, доступ-

32. Семинар в Окунево // http://vk.com/event48086578 [доступ от 03.05.2015].

ной для «посвященных» реальности. Поэтому разговор на обыденные темы включал отсылку к вполне странным сюжетам: однажды в гости к Павлу пришел ведорус Стас. На бытовой вопрос: «как дела?», Стас ответил, что все бы ничего, но сегодня утром он проснулся и не мог найти свой кадык. Павел серьезно переспросил, что этому предшествовало. Стас ответил, что ночью у него было «сражение на тонком плане» с очень сильным соперником. «Тогда все ясно» — резюмировал Павел. Потеря кадыка, по его мнению, была обусловлена потерей сил в сражении.

В круг тех, на которых распространяется этическая регуляция и кто оказывается приобщенным к традиции, включаются персонажи, в обыденной жизни воспринимаемые как «чудаки» и «фрики». Так, в Окунево местный житель, «блаженный» Серега, является постоянным участником бабаджистких ритуалов, и, по свидетельству информантов, многие даже завидуют его состоянию.

Въезд в Окунево в языке местных жителей и гостей деревни маркирован своеобразной границей — Разломом, отделяющей данный сакральный комплекс от остального (обычного) мира. Омский исследователь И.А. Селезнева выделяет по крайней мере четыре зоны внутри сакрального пространства деревни: Центральная улица, где расположены ашрам последователей Бабаджи, кришнаитский храм и жилые дома неоязычников; Омкар, территория Татарского увала — главный энергетический центр, где проводятся обряды; Яр — место туристического лагеря на дороге между Омкаром и деревней и Тюп — пространство, образованное излучиной Тары[33].

Место туристического лагеря вблизи д. Окунево

33. *Селезнева И.А.* Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия. С. 60.

В мифологии, бытующей в Окунево, присутствует и мифологизация персоналий, и выработка собственного языка (в Окунево часто говорят на неизвестных языках), и эсхатологические мотивы. По мифологическому принципу осуществляется своеобразная персонификация космоса, воспринимаемого как живое, одухотворенное целое (что выражается, например, в описании энергии как «живой» или «злой»):

> И осталась я одна на этом странном холме (*Татарский увал. — Е.Г.*). Начался дождь. <...> Ну как это описать? В чем проявляется место силы? Очень остро чувствуешь, что ты ЖИВЁШЬ. Прямо сейчас, в это мгновение. Необъяснимое чувство значимости происходящего, хотя как бы ничего не происходит. Ощущаешь ОТВЕТ окружающего мира на твое присутствие здесь. Ты чувствуешь, и тебя чувствуют. Сидела на корточках и держалась за землю руками. Хотелось прямо руками сосать из нее... не знаю что. Чего не хватает[34].

Представляется, что применительно к современной ситуации в Окунево можно выделить, следуя идеям Р. Барта, два уровня мифотворчества, обнаруживаемые при создании сакральных пространств, — «мифотворчество сверху» и «мифотворчество снизу»[35].

«Мифотворчество сверху» (*written mythology*) носит искусственный сконструированный характер и является составной частью идеологии. Выразителями данного вида мифотворчества являются, как правило, мифографы, обладающие связью с мифами на уровне инстинктов. В случае с Окунево таковым стал, прежде всего, Михаил Николаевич Речкин, уроженец с. Муромцево Омской области[36]. Его место рождения достаточно близко к Окунево, чтобы чувствовать тематику и проблематику места появления мифа. В народном сознании М.Н. Речкин выступает как ревизор и литератор, исследователь аномальных явлений, которому «удалось описать это место и его чудеса потрясающе живо, без усыпляющих мудрствований, захватывающе». По слухам, в Речкина из-за передела земли в Окунево якобы даже стреляли, но он «чу-

34. Как я съездила в Окунево // http://www.ark.ru/ins/zapoved/zapoved/okunevo.html [доступ от 03.05.2015].

35. *Барт Р.* Из книги «Мифологии» // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 46–130.

36. Окуневский ковчег [http://rechkin.org/index/mikhail_rechkin/0-16, доступ от 31.03.2015].

дом выжил», хотя в официальной биографии на сайте писателя этот эпизод отсутствует.

С 2003 по 2011 гг. в свет вышла серия увесистых публикаций Речкина, по своему заряду и информативности слабо отличающихся друг от друга. Эти произведения написаны в одном мифопатетическом ключе — есть замечательное место, где можно спастись (далеко не всем), если знать как[37].

Благодаря доступности языка изложения его текст принимается широкой аудиторией, но принципиально не академической, не склонной к критическому образу мысли. В этом смысле он является вполне эффективным инструментом «мифотворчества сверху». Отметим, что, по нашим наблюдениям, представители религиозных течений в Окунево, называя суждения Речкина «сказками», тем не менее часто используют их как аргумент в ситуациях, когда рациональное достижение значимых целей недоступно. Приведем пример высказываний М. Речкина:

> Те, кто едут сюда с желанием увидеть чудо, нередко разочаровываются. Обычная сибирская деревенька. Правда, расположена в живописном месте — на крутом берегу небольшой реки Тары. Именно здесь многие годы омские археологи и раскапывают древние могильники, находят всевозможные предметы стародавних эпох. Уже написан и издан солидный труд под названием «Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево». Есть в нем и такие вполне обыденные строки: «...на городище, вероятно, существовало культовое место...» Археологи — люди осторожные. Когда фактов недостает, они предпочитают пользоваться словами «вероятно», «возможно», а вот весьма далекий от археологии, да и от деревни Окунево, индийский святой Сатья Саи Баба глубоко убежден, что задолго до обнаружения учеными «вероятного» культового места совсем рядом возвышался величественный Храм божественной обезьяны — Ханумана[38].

Еще в большей степени, чем насаждение мифологии сверху, свидетельствует об актуальности ее при конструировании сакральных пространств «мифотворчество снизу» — спонтанная, непредза-

37. См., например: *Речкин М.* Сибирский ковчег. Тайна спасения человечества. М.: ФАИР, 2011.

38. Семинар в Окунево // http://vk.com/event48086578 [доступ от 03.05.2015].

данная мифологизация образов, отношений, событий, осуществляемая и в восприятии массовой культуры, и в жанрах устного народного творчества. К «мифотворчеству снизу» относятся, например, былички — устные истории о необычных событиях, которые подаются как абсолютно достоверные и для которых характерно усиление достоверности посредством бытовых деталей и усиления переживаний[39].

На уровне массового сознания сама деревня Окунево уже длительное время ассоциируется с присутствием сверхъестественных сил: местные жители часто сообщают о видениях неопознанных летающих объектов, внеземных сверхъестественных явлениях, неприступных валах, закрученных деревьях, лабиринтах и т.д. Считается, к примеру, что возле «магического» Шайтан-озера, где «шарики разные летают» и в котором «мертвая» вода, люди часто теряют сознание. Сообщается, что три озера вблизи Окунева имеют неземное происхождение, соединены между собой подземной рекой, и вода в них считается святой. Дерево возле маленькой часовенки на Татарском увале, если к нему прикоснуться, способно исполнять желания[40] и т.п. Интернет-форумы об Окунево изобилуют следующими историями:

> Впервые приехав в Окунево, я надеялся увидеть Чудо, словно загадочные явления происходят здесь каждый день. Не увидев ничего необычного, я все равно уехал с мыслью: «Что-то здесь есть... таинственное». В этот раз мне «повезло» больше. Поужинав, мы решили погулять и дойти до увала. Прогуливаясь по берегу, мы прошли поворот, и пришлось возвращаться назад. Когда мы дошли до часовни, солнце уже село. Быстро надвигалась темнота. Несколько снимков панорамы, и первый портрет: фотографирую жену брата. Когда я увидел фотографию, мне стало не по себе. На первый взгляд из головы идет дым. Я сразу же спросил у нее:
>
> — Ты курила?
>
> — Нет.
>
> Все заинтересовались нашим разговором и подошли посмотреть на снимок. Увеличив изображение и всмотревшись в туман над го-

39. *Мартишина Н.И.* Когнитивные основания паранауки. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1996. С. 106.

40. Окунево рекомендуют // http://omsk.tulp.ru/bazy-otdyha/okunevo [доступ от 25.03.2015].

> ловой, у нас началась паника. Реально можно разглядеть образы, причем страшные и явно неживые. В этот момент на всех навалилось осознание того, где мы находимся и что это за место. Находясь в этот раз в Окунево, постоянно задавал себе вопрос: почему Расма приехала именно сюда, почему именно на этом месте, на увале, она сказала: ЗДЕСЬ. Видимо, она видела и чувствовала энергию этого места[41].

По свидетельствам энтузиастов–уфологов и «оккультных туристов», экспедиции исследователей, работавшие на этой территории в 1990-х годах, якобы подтвердили наличие нестандартных энергетических полей вокруг д. Окунево, обнаружили пять озер с целебной водой, следы от падений метеоритов и т.д. По их рассказам, многие результаты этих исследований были впоследствии засекречены, и Окунево было объявлено энергетически аномальным местом.

Туризм в Окунево: присвоение сакрального пространства и коммодификация истории

Согласно В. А. Шнирельману, если во многих современных обществах массовый туризм с его светскими ритуалами служит «замещением религиозности», то в России он иной раз, напротив, подпитывает религиозность[42].

Сегодня группа приезжих, которых можно разделить на туристов (их цель — увидеть «феномен», возможно, «поучаствовать» в ритуалах) и паломников (бабаджистов, кришнаитов, ведорусов, буддистов), — самая многочисленная в Окунево[43]. Те, кто приезжают в качестве паломников, сразу располагаются в соответствующей общине и на некоторое время перенимают ее правила поведения и образ жизни. Туристы вольны в своем выборе — при

41. Энергия Окунево // http://xroniki-nauki.ru/neobyasnimoe/energiya-okunevo [доступ от 04.05.2015].

42. *Шнирельман В.А.* Места силы: конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 5.

43. Это при том, что, по данным социологического опроса, проведенного независимой исследовательской организацией ГЭПИЦентр-II в 2002 году, подтверждается репутация омичей «как людей консервативных, придерживающихся традиционных ценностей и не падких на новомодные веяния религиозного или пararелигиозного характера». (См. *Яшин В.Б.* Некоторые тенденции религиозных процессов в Омской области начала 21 века // Религиозное многообразие Российской Федерации (русская версия) / Гл. ред. Кениг М. Вып. 2. № 2. 2000. С. 39).

желании они могут жить с любой из общин, или отдельно в палатке, или снять дом, принимать участие в любой из церемоний.

> Станислав Репин (неоязычник): В стране тысячи деревень, в которые никто не приезжает. Если сюда по каким-то причинам, неважно каким, люди едут, значит, территория стала туристически привлекательной. Многие говорят, что лучше бы этого не было. Мол, какие-то сектанты приезжают. На самом деле у нас здесь полный срез общества. Начиная от несформировавшейся молодежи, заканчивая чиновниками, бизнесменами и военными. Основной принцип жителей деревни Окунево, которые исповедуют разные духовные направления: искать то, что нас объединяет, а не то, что разъединяет. Мы можем пойти к кришнаитам на их праздник, они могут прийти к нам. Рядом со мной вот сосед построил на свои деньги христианскую церковь. Выстраиваются нормальные гармоничные взаимоотношения[44].

Как показывает анализ интернет-форумов об Окунево, трансляция многочисленных сообщений об этом месте, картинок, фактов и мифов посредством СМИ существенным образом влияет на перемещение сюда людей. Развитие виртуальной репрезентации места становится важным способом конструирования сакрального пространства. Сейчас практически каждый крупный туристический объект имеет свой сайт в интернете, свой виртуальный образ, который детерминирует наше восприятие конкретного места. Как отмечает Дэвид Харви: «Пространства, которые окутывают и окружают нас в повседневной жизни, оказывают влияние как на наши непосредственные опыты, так и на способ, каким мы интерпретируем и понимаем репрезентации»[45]. Паломники и туристы, едущие в Окунево, уже имеют об этом месте некоторое представление, ряд смыслов, сформированных посредством фильмов, литературы, рекламы и других средств передачи информации. Большую роль в этих представлениях играет и инвариантный мотив социальных утопий — идея «назад к природе».

Представляется, что популярность Окунева связана также с так называемым провинциальным мифом, в котором статус региона-периферии (Омская область) в экономическом смысле

44. Пуп Руси // http://rusplt.ru/society/pup-rusi-10815.html [доступ от 04.05.2015].

45. *Харви Д.* Пространство как ключевое слово // Топос. 2011. № 1. С. 21.

характеризуется отрезанностью от ресурсов, восприятием ценностей мегаполисной среды как дефицитных, постоянным подтягиванием под «центр». В онтологическом, пространственном и семиотическом планах жизнь в периферийном регионе отличается рубежностью, неполноценностью, истонченностью культурного слоя, ощущением нахождения «между мегаполисом и деревней». Неудивительно, что, с одной стороны, на периферии маргинальность соседствует с безвластием и политическим вакуумом, с другой — здесь формируются новые формы контроля над территорией. В этих условиях миф о наличии неподалеку «места силы» приобретает для омичей и паломников из соседних регионов дополнительную привлекательность.

> Дмитрий (И): Как-то уже затерлось, поистаскалось это понятие — «место силы», упоминается всуе, даже неудобно как-то употреблять. Но как без него обойтись, если есть места, где и впрямь чувствуешь что-то особенное? Можешь приехать туда совсем ненастроенным, с развинченным умом, а там тебя будто резко в воду головой кто-то опустит — и видишь, что тут все другое...

Деревню Окунево предложено включить в перечень пунктов туристического маршрута по Муромцевскому району[46]. «Брендом» рассматривается ашрам «Омкар Шива Дхам» и связанные с ним культовые места: сам ашрам, энергетический центр недалеко от деревни. Большинство омских турфирм и турфирм соседних городов (Новосибирск, Курган, Челябинск, Екатеринбург и др.) предлагают своим клиентам различные виды отдыха в Окуневе: туры выходного дня, туры на различные проходящие там мероприятия (праздники, семинары, мастер-классы и тренинги эзотерического характера), путешествия по «местам силы и выхода энергии»[47].

В деятельности такого плана преобладает дискурс о том, что именно эта территория пронизана особыми тонкими энергиями, через нее идет интенсивная связь с Космосом, пребывание в данном месте пробуждает в человеке скрытые силы и оккульт-

46. *Селезнева И.А.* Потенциал Муромцевского района Омской области для развития этнографического туризма // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. научных трудов: в 3 ч. Омск: ООО «Издательский дом «Наука»», 2012. Ч. II. С. 163.

47. *Селезнева И.А.* Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия. С. 62.

ные способности. Рекламный слоган на сайте одной из турфирм гласит:

> Пять озер «рождены Космосом». Они образовались в результате падения на Землю осколков огромного метеорита. Люди, жившие здесь несколько веков назад, построили храм. В нем находился магический кристалл, который стал своего рода энергетическим генератором, питающим озера. Вода очень активно влияет на рост клеток, то есть повышает их жизнеспособность. Действует омолаживающе и оздоравливающе. Высокая биологическая активность этих мест способствует открытию знаний, потаенных внутри вас; новых возможностей, о которых вы только мечтали. Здесь исполняется не то, что думаешь, а то, что нужно на самом деле[48].

Городские предприниматели начинают действовать уже в Омске, собирая группы, занимаясь их доставкой, выступая «посредниками», транспортирующими людей не только в географическом, но и в культурном пространстве. Используя имеющиеся местные иеротопические мотивы или искусственно их конструируя, они организуют паломничества, продают товары с соответствующей атрибутикой и т. п. В самом Окунево, огородив поляну, городские предприниматели за отдельную плату предоставляют места для палаток, проводят организованные экскурсии, продают мясо для шашлыков (при том, что большая часть верующих — вегетарианцы) и «питьевую структурированную в пирамиде воду».

> Мы возрождаем в вас Огонь устремления в Будущее и соединяем с водой жизни пространства священных пяти озер, воплощающих древний дух Сибири — Асгард! Наша омская компания производит питьевую, в пирамиде структурированную воду «Живая Тара». Мы надеемся, что благодаря качеству воды «Живая Тара» качество вашей жизни и здоровья улучшатся. Наш продукт — это новинка на рынке. Почему выбрано именно такое название — «Живая Тара»? Река Тара — река, протекающая по территории Омской области. Если же обратиться к истокам, мы узнаем еще и о Таре, боги-

48. Окунево // http://xn--80aabqzts.su/product/item/okunevo [доступ от 14.08.2015]

не-хранительнице, чье имя у древних славян носила Полярная звезда, помогающая и защищающая в пути[49].

Это вызывает недовольство как верующих, так и местных жителей: такие практики, на их взгляд, нарушают «спокойствие, идиллию, общение и радость». Сами местные жители и члены местных религиозных общин, помимо продуктов домашнего хозяйства, продают «городским» дрова, предоставляют услуги проводника в лесу, к озеру, лепят посуду из глины и продают ее туристам, но по весьма умеренным ценам. Развивается также практика «этнокультурных мастерских», где изготавливаются сувениры, несущие в себе эзотерическую нагрузку (талисманы, обереги и т.п.).

Мусульманский паломник Фреди Боллаг в д. Окунево

Опираясь на высказывания самих туристов, можно отметить, что практика паломничества в д. Окунево обусловлена не толь-

49. Территория света // http://forum.area-light.ru/index.php?topic=973.0 [доступ от 03.05.2015].

ко личной мотивацией (любопытство, желание отдохнуть вдали от города, желание изменить что-то в своей жизни, исцелить недуги и пр.), но и объективными условиями: природным расположением места и его транспортной доступностью. Приведем высказывание одной из паломниц в д. Окунево:

> Прошло два года с тех пор, как я посетила место силы в Самарской области, близ поселка «Волжский Утес» — гора Светелка — Поляна Лешего — Город Богов. Я чувствовала, что снова пора куда-то ехать. Набрала в поисковике «место силы» и получила большой список мест силы на портале Самопознание. Просматривая список, прислушивалась к себе, пытаясь определить, куда меня потянет. На дальние расстояния не тянуло, а из близлежащих — только Алтай манил приятными воспоминаниями о моих давних поездках в этот чудесный край. Я подумала, что на всемирно известном месте силе горе Белухе, которую когда-то каждый уважающий себя эзотерик считал своим долгом посетить, я не была. А так как я уважающий себя эзотерик, то, пожалуй, поеду туда. Но... что-то «свербило» внутри, было какое-то чувство неудовлетворения, а главное, я не чувствовала радости от предвкушения поездки. И тогда я вернулась к списку мест силы. И увидела! Я даже сначала засомневалась, уж слишком как-то все было просто и тривиально. Деревня Окунево в Омской области. Это ж совсем рядом, несколько часов езды... Но когда я стала изучать информацию об этом месте, поняла, что и прекрасный Алтай, и самые лучшие курорты мира (если мне вдруг их кто-нибудь сейчас предложил бы) отходят куда-то на далекий план, в сравнении с тем, что меня ждет в простой живописной деревушке Окунево в Омской области. Это даже не чудеса. Это намного большее для души, духа. Для человека, готового прикоснуться к самому сокровенному миру — к Душе вселенной[50].

При этом одни маршруты перемещения внутри «сакрального пространства» у туристов считаются предпочтительнее других. Они оказываются в состоянии реально содействовать трансформации горизонтов социального существования, открывая возможности для получения нового опыта. Здесь актуализируется

50. Почему я еду в Окунево // http://univer-u.ru/blog/pochemu-ya-edu-v-okunevo/ [доступ от 03.05.2015]

сама практика перемещения, или ходьбы, которую Мишель де Серто сравнил с речевым актом:

> Во-первых, своими шагами пешеход присваивает топографическую систему (аналогично тому, как говорящий присваивает и осваивает язык). Во-вторых, в ходьбе «разыгрывается» пространство (как в речевом акте разыгрывается, акустически, язык). Наконец, шаги увязывают различные места в некую систему отношений (ведь и речевой акт всегда направлен на кого-то и актуализирует определенные отношения между собеседниками)[51].

Высказывания окуневских паломников демонстрируют, как правило, что особые обстоятельства, особое знание, тайна как таковая, присутствующие в этом месте, являются одним из закономерных, логичных и к тому же доступных способов вырваться из рутины, из повседневности, выразить себя. Несомненно, здесь действует механизм заражения, подчиняясь которому человек, даже далекий от религии, проявляет психологическую готовность к восприятию места как сакрального. Принятие идеи о сакральном статусе места оказывается не однозначным «да — нет», а включает значительную градацию степеней ее осуществления. Самая простая схема конструирования сакрального пространства на уровне массового сознания выглядит так: информированность, «наслышанность» без особой веры, затем пусковое событие, резко повышающее достоверность и значимость для личности «мест силы», и в итоге — вера в его реальное существование.

Заключение

Какова судьба «окуневского феномена» в обозримой перспективе? Как показывает практика, раз возникнув, «места силы» становятся тем культурным «активом», «символическим капиталом»[52], за обладание которым разворачивается серьезная борьба между различными дискурсами.

51. *Серто де М.* По городу пешком / Пер. А. Космарского // Социологическое обозрение. 2008. Том 7. № 2. С. 28.

52. Ivakhiv, A. (2006) “Toward a Geography of ‘Religion’: Mapping the Distribution of an Unstable Signifier”, *Annals of the Association of American Geographers* 96(1): 169-175.

Археологи и историки призывают обратить внимание на необходимость тщательной охраны территории, связанной с археологическим комплексом. С их точки зрения, многие из так называемых «следов-свидетельств» обладают поверхностным залеганием, поэтому «прогулки» туристов, «праздники» и «карнавалы», обрядовые действия представителей различных конфессий наносят колоссальный ущерб памятнику[53].

Представители Русской православной церкви в Омской области[54] усматривают в существовании подобных мест серьезную угрозу православию, поскольку «у многих наших соотечественников нет твердых ориентиров, и поэтому они сегодня к бабаджистам приехали, а завтра в храм пойдут»[55]. Представители же альтернативных официальному дискурсу религиозных учений уверены, что это «место создано для единства душ, тел, разума всех людей».

Чиновники за счет роста интереса к этому месту пытаются продвинуть свой регион по шкале федеральной значимости, поскольку наличие подобных мест повышает символический статус региона, зачастую вопреки его реальному состоянию[56]. Туристы, не имеющие укорененности в данном месте, но волей случая оказавшиеся в нем, пытаются для себя определить его эстетическую и мистическую привлекательность. Главным смыслом здесь оказывается не формулирование единственного верного представления, а наличие конкуренции различных образов сакрального пространства.

53. *Матющенко В.И., Толпеко И.В.* Исследования в Окуневском археологическом микрорайоне // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск: ИАЭт СОРАН, 1995. С. 49.

54. О связке «Областная власть — Русская православная церковь» см.: *Яшин В.Б.* Некоторые тенденции религиозных процессов в Омской области начала 21 века // Религиозное многообразие Российской Федерации (русская версия) / Гл. ред. Кениг М. Вып. 2. № 2. 2000. С. 28–40.

55. Из рассказа о своей миссионерской деятельности в Окунево на Всероссийской научно-практической конференции «Россия и язычество: мифы и реальность» (г. Омск, 13–15 марта 2013 г.) настоятеля исилькульского храма Новомучеников и исповедников иерея Александра Лемешко (см. http://www.sofia-sfo.ru/2136 [доступ от: 18.05.2015]).

56. Случаи сакрализации объектов, относящихся к региональной истории, довольно распространенное явление в современной российской действительности (См., например, почитание Ксении Петербуржской в Ленинградской области, Святого Николая Великорецкого в Кировской области, Урюпинской Божьей Матери в Прихоперье, Абалакской Божьей Матери в Тюменской области и т.п.).

Окуневский феномен вполне соответствует конструктивистскому взгляду на развитие религиозного сознания. В рамках каждого из дискурсов, присутствующего здесь, формируются свои образы данной территории. Собранные вместе на уровне коллективного сознания, эти образы формируют особый «миф места»[57]. Они собирают, упорядочивают, включают и исключают, они делают пространство потенциально *познаваемым* для всякого, кто захочет взглянуть на него, а также делают возможным сравнение его с другими, обыденными, пространствами.

Библиография / References

Барт Р. Из книги «Мифологии» // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 46–130.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.

Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Иващенко С.Н., Корусенко М.А. Результаты работ в Окуневском археологическом микрорайоне в 2006–2008 гг. // VII чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сборник научных трудов / Отв. ред. С.Ф. Татауров, И.В. Толпеко. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 178–183.

Матющенко В.И. Еще раз о характере памятника Ом V и Ом VII на Татарском увале // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Материалы научной конференции (Омск, 2–3 декабря 1997 г.). Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. С. 85–87.

Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д.Окунево (Ом VII). Раскопки 1998, 1999 годов. Омск: ОмГУ, 2003. Вып 3. Новое в археологии Прииртышья.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1994.

Матющенко В.И., Толпеко И.В. Исследования в Окуневском археологическом микрорайоне // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. — Новосибирск: ИАЭт СОРАН, 1995. С. 48–49.

Мартишина Н.И. Когнитивные основания паранауки. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1996.

Окуневский ковчег [http://rechkin.org/index/mikhail_rechkin/0-16, доступ от 31.03.2015].

Речкин М. Сибирский ковчег. Тайна спасения человечества. М.: ФАИР, 2011.

Селезнев А.Г. Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 41–59.

Селезнева И.А. Потенциал Муромцевского района Омской области для развития этнографического туризма // Сибирская деревня: история, современное состоя-

57. Shields, R. (1991) *Places on the Margin. Alternative Geographies of Modernity*, pp. 47, 61. London: Routledge.

ние, перспективы развития: сб. научных трудов: в 3 ч. Омск: ООО «Издательский дом «Наука»», 2012. Ч. II. С. 160–165.

Селезнева И.А. Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 59–73.

Серто де М. По городу пешком / пер. А. Космарского // Социологическое обозрение. Том 7. № 2. 2008. С. 24–38.

Харви Д. Пространство как ключевое слово // Топос. 2011. № 1. С. 10-38.

Шнирельман В.А. Места силы: конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 3–9.

Яшин В.Б. Иеротопические мотивы и локусные культуры в новых религиозных движениях // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 95–99.

Яшин В.Б. Некоторые тенденции религиозных процессов в Омской области начала XXI века // Религиозное многообразие Российской Федерации (русская версия) / Гл. ред. Кениг М. Вып. 2. № 2. 2000. С. 28–40.

Barth, R. (1989) "Iz knigi 'Mifologii'", in *Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika* [Mythologies, in *Selected works. Semiotic. Poetic*]. M.: Progress. S. 46-130.

Berger, P. & Luckmann, T. (1995) Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znanija [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. M.: "Medium".

Chidester, D., Linenthal, E. T. (1995) *American Sacred Space*. Bloomington: Indiana University Press.

Dora, V. (2011) "Engaging Sacred Space: Experiments in the Field", *Journal of Geography in Higher Education* 35(2): 163-184.

Eade, J., and Sallnow, M. J. (eds) (1991) *Contesting the Sacred: The Anthropology of Christian Pilgrimage*. New York: Routledge.

Gerasimov, Ju. V., Zdor, M. Ju., Ivashhenko, S. N., Korusenko, M. A. (2008) "Rezul'taty rabot v Okunevskom arheologicheskom mikrorajone v 2006-2008 gg." [The Results of the Works in Archeological Place of Okunevo in 2006-2008], in *VII chtenija pamjati Mihaila Petrovicha Grjaznova: sbornik nauchnyh trudov* / otv. red. S.F. Tataurov, I.V.Tolpeko. Omsk: Izd-vo OmGU. S. 178-183.

Harvi, D. (2011) "Prostranstvo kak kljuchevoe slovo" [Space as a Key Word], *Topos* 1: 10-38.

Ivakhiv, A. (2006) "Toward a Geography of 'Religion': Mapping the Distribution of an Unstable Signifier", *Annals of the Association of American Geographers* 96(1): 169-175.

Jashin, V.B. (2012) "Ierotopicheskie motivy i lokusnye kul'tury v novyh religioznyh dvizhenijah" [Hierotopical Motives and Locus Cultures in New Religious Movements], *Omskij nauchnyj vestnik* 109(3): 95-99.

Jashin, V.B. (2000) "Nekotorye tendencii religioznyh processov v Omskoj oblasti nachala XXI veka" [Some Tendencies in the Religious Processes in Omsk Region in the Beginning of the 21st Century], in *Religioznoe mnogoobrazie Rossijskoj Federacii (russkaja versija)* / Gl. red. Kenig M. Vyp. 2. №2. S. 28-40.

Kong, L. (2006) "Religion and Spaces of Technology: Constructing and Contesting Nation, Transnation, and Place", *Environment and Planning A* 38: 903–918.

Low, S. M. and Lawrence-Zúñiga, D. (2003) "Locating Culture", in Low, S. M. and Lawrence-Zúñiga, D. (eds) *The Anthropology of Space and Place. Locating Culture*, pp. 16-17. Blackwell Publishing.

Martishina, N.I. (1996) *Kognitivnye osnovania paranauki* [The Cognitive Foundations of Parascience]. Omsk: Izd-vo OmGTU.

Matjushhenko, V.I. (1997) "Eshhe raz o haraktere pamjatnika Om V i Om VII na Tatarskom uvale" [One More Time about Character of the Monument Om V and Om VII on Tatar Ridge], in *Chetvertye istoricheskie chtenia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova. Materialy nauchnoj konferencii* (Omsk, 2-3 dekabrja 1997 g.). Omsk: Izd-vo OmGU. S. 85-87.

Matjushhenko, V.I. (2003) *Mogil'nik na Tatarskom uvale u d.Okunevo (Om VII). Raskopki 1998, 1999 godov* [Burial Ground on Tatar Ridge Nearby Okunevo Village (Om VII) Excavation 1998, 1999]. Omsk: OmGU. Vyp 3. Novoe v arheologii Priirtysh'ja.

Matjushhenko, V.I., Polevodov, A.V. (1994) *Kompleks arheologicheskih pamiatnikov na Tatarskom uvale u derevni Okunevo* [Comlex of Archeological Monuments on Tatar Ridge Nearby Okunevo Village]. Novosibirsk: VO "Nauka", Sibirskaja izdatel'skaja firma.

Matjushhenko, V.I., Tolpeko, I.V. (1995) "Issledovanija v Okunevskom arheologicheskom mikrorajone" [Investigation in Okunevo Archeological Place], in *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu*. Novosibirsk: IAJt SO RAN. S. 48-49.

Massey, D. (2000) "Travelling Thoughts", in *Gilroy, P., Grossberg, L. and McRobbie, A. (eds) Without Guarantees: In Honour of Stuart Hall*. London: Verso.

Okunevskij kovcheg [Okunevo shrine] [http://rechkin.org/index/mikhail_rechkin/0-16, dostup ot 31.03.2015]

Rechkin, M. (2011) *Sibirskij kovcheg. Tajna spaseniia chelovechestva* [Siberian Shrine. The Mystery of Human Salvation]. M.: FAIR.

Seleznev, A.G. (2014) "Novaia mifologia istorii: arhetip 'drevnikh tsivilizatsii i sakral'nyi tsetr v rajone" [A New Mythology of History: The Archetype of "Ancient Civilizations" and the Sacred Centre Near the Village of Okunevo], *Jetnograficheskoe obozrenie* 5: 41-59.

Selezneva, I.A. (2012) "Potencial Muromcevskogo rajona Omskoj oblasti dlja razvitija jetnograficheskogo turizma" [A potential of Muromzevskiy district of Omsk region for ethnographic tourism development], in *Sibirskaia derevnia: istoriia, sovremennoe sostoianie, perspektivy razvitiia:* sbornik nauchn. trud: v 3 ch. Omsk: OOO "Izdatel'skij dom 'Nauka'". Ch. II. S.160-165.

Selezneva, I.A. (2014) "Sakral'nyj centr i vneshnij mir: problemy vzaimodejstvija" [The Sacred Center and the Outside World: the Problems of Interaction], *Jetnograficheskoe obozrenie* 5: 59-73.

Serto, de M. (2008) "Po gorodu peshkom" / per. A. Kosmarskogo [In City on Foot], *Sociologicheskoe obozrenie* 7(2): 24-38.

Sheldrake, P. (2007) "Placing the Sacred: Transcendence and the City", *Literature & Theology* 21(3): 243-258.

Shnirel'man, V.A. (2014) "Mesta sily: konstruirovanie sakral'nogo prostranstva. Vvedenie k diskussii" [Sacred Sites: The Construction the Sacred Space. Introduction to Discussion], *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 3-9.

Shields, R. (1991) *Places on the Margin. Alternative Geographies of Modernity*. London: Routledge

Smyth, D. & Burch, S. (2012) "Enacting Identities in the EU-Russia Borderland: An Ethnography of Place and Public Monuments", *East European Politics and Societies* 26(2): 400-424.

Tong, K. & Kong, L. (2000) "Religion and Modernity: Ritual Transformations and the Reconstruction of Space and Time", *Social and Cultural Geography* 1(1): 29-45.

Werblowsky, R. J. Zwi (1998) "Introduction: Mindscape and Landscape", in Kedar, B. Z. and Werblowsky R. J. Z. (eds) *Sacred Space: Shrine, City, Land,* pp. 9-17. New York: New York University Press.